

Улыбка на губах Цинь И исчезла, как вспышка.

Он положил свой мобильный телефон и протянул руку, чтобы вытащить из-за воротника серебряное ожерелье. В поломанном шаре на подвеске смутно виднелся зеленый блеск. Когда он осветил его светом своего мобильного телефона, он стал еще более кристально чистым.

Он зажал кулон между пальцами, и странное чувство поднялось из глубины его сердца.

Это то, что дал ему Шэнь Ци.

Это был уже второй раз, когда он что-то ему давал.

Подвеска маленькая и круглая, и, кажется, она такая же красивая, как та фруктовая конфета, а еще она очень милая, красивая и сладкая, как Шэнь Ци.

Он засунул ожерелье обратно под одежду и позволил кулону коснуться кожи, оставив легкое покалывание.

Казалось, что, теперь, парень был достаточно близко к нему и под его контролем.

Он держал руку Шэнь Ци. Пальцы молодого человека были тонкими и теплыми. После того, как их ладони были вместе слишком долго, он сам немного согрелся. Эмоции в его сердце стали сильнее от этого тепла. Он сосредоточился на них и на некоторое время постепенно забыл о физической боли.

Экран мобильного телефона автоматически погас, и комната снова погрузилась в темноту.

Рано утром следующего дня Шэнь Ци встал и первым делом отправил сообщение Лу Хэну, спрашивая, появились ли результаты теста.

Доктор Лу, казалось, все еще был на дежурстве, и прошло много времени, прежде чем он ответил: "Еще нет, вчера вечером в отделение неотложной помощи поступила семья с пищевым отравлением. Мой коллега был занят всю ночь и попросил отсрочки. Я пришлю его тебе, когда амбулаторный отдел приступит к работе."

Шэнь Ци выслушал его, а затем сказал "спасибо". Хотя он хотел знать, что было в бутылке, он не мог влиять на работу других людей.

Цинь И еще не встал. Шэнь Ци пошел в музыкальную комнату, чтобы попрактиковаться на фортепиано в одиночку. После того, как он мазал пальцы мазью, в течение дня, он в основном исцелился. Хотя ему все еще больно, когда он нажимает, но этого недостаточно, чтобы он

отдыхал еще один день.

Цинь И сказал, что ему не нужно было так много работать. Но он сам не мог быть уверен, что у него было те три года практики игры на фортепиано. В конце концов, первоначальным владельцем был не он. Даже если у этого тела была мышечная память, он вообще не смел расслабляться.

Есть только один шанс. Он должен получить хорошие оценки на экзамене по искусству в следующем году и поступить в Музыкальную академию. Главная причина в том, что его отстранили на год. Он уже на год старше обычных учеников. Он не хочет повторять это.

Он должен поторопиться, и быстро подняться на высоту, где раньше был Цинь И, чтобы встать рядом с ним.

Шэнь Ци сосредоточенно сел играть на рояле, и забыл о времени, поэтому не заметил, что дверь, соединяющая комнату со спальней, была открыта. Неизвестно, когда она открылась. На входе никого не было, но звуки музыки были отчетливо слышны в спальне.

Цинь И сел за стол в спальне, чтобы поесть. Он попросил экономку помочь подвинуть стол к окну. Когда шторы были открыты, солнечный свет проникал внутрь и попадал на еду. Казалось, это добавляло яркости блюдам, вызывая большой аппетит.

Хотя на самом деле ему не хотелось есть, он хотел слушать игру Шэнь Ци, поэтому заставил себя прожевать и проглотить всю принесенную еду.

Он подсознательно, казалось, следовал указаниям Шэнь Ци, и, несмотря на сопротивление тела, его мозг все еще выдавал команду "должен есть".

Когда дверь открыта, не только звуки музыки попадают в спальню, запахи отправились в музыкальную. Звуки фортепиано внезапно прекратились, и прозвучал голос Шэнь Ци: "Вкусно пахнет, брат, ты крадешь еду за моей спиной?"

Цинь И замер, держа в пальцах вилку.

Шэнь Ци вернулся в спальню, он понял, что мужчина, должно быть, встал, и завтракал в спальне.

Поскольку он мог нормально питаться, невралгия, должно быть, прошла.

Его взгляд скользнул по лицу Цинь И, и, увидев, что его лицо не так уж плохо. Мужчина повернулся к нему, не доев и половины свиной отбивной, лежащих перед ним.

“Я не крал еду”, - Цинь И сказал ровным тоном: “Все честно и справедливо.”

Шэнь Ци не смог удержаться от смеха над его серьезной шуткой, подвинул стул, чтобы сесть перед ним, и прошептал: “Я тоже хочу есть”.

Цинь И великодушно отрезала кусок свиной отбивной: “Разве ты не ел утром?”

“Я позавтракал, но когда я вижу, как ты ешь, мне тоже захотелось. Слышал, что рис в чужой тарелке самый ароматный?”

Шэнь Ци открыл рот, глядя на него: “А-а-а”.

Цинь И подцепил вилкой свиную отбивную, поднял, и увидел мальчика с открытым ртом, ожидающего, когда его накормят. Он сидел на солнце, его губы были ярче, чем обычно, и это было более соблазнительно, чем свиная отбивная.

/ Я хочу поцеловать его./

Эта мысль всплыла в сердце Цинь И, и он быстро подавил ее, и запихнул свиную отбивную в его рот.

Отбивная была с хрустящей корочкой снаружи и нежным мясом внутри, и она была очень вкусной. Шэнь Ци выглядел наслаждающимся ей, его глаза сузились, и он не осознавал, насколько преступными были его действия. Если бы сила воли человека на противоположной стороне стола не была бы достаточно тверда, кто-то другой был бы съеден и довольно быстро.

Шэнь Ци облизал губы и похвалил: “Тетушкины кулинарные навыки очень хороши. Только, чтобы иметь возможность есть ее блюда, я готов жить в доме Цинь всю оставшуюся жизнь.”

Цинь И отрезал еще кусок свиной отбивной, слегка нахмурившись: “Ты не готов жить в доме Цинь ради меня всю оставшуюся жизнь?”

Шэнь Ци сделал паузу.

Разве это не так.

Ты, что готов пить уксус, из-за готовки тетушки?

Он поспешно поправил бутылку с уксусом, которая чуть не перевернулась. “Это другое дело. Мне нравится, как тетя готовит. Ты же нравишься сам по себе.”

После того, как Цинь И услышал это, ему снова стало немного не по себе, и он ничего не сказал, просто поднес еще кусочек отбивной к его рту.

“Я больше не буду есть”, - Шэнь Ци оттолкнул его руку. “Не думай, что я не знаю, в чем заключается твоя идея. Отдаешь мне, чтобы ты мог съесть поменьше. Все правильно? Остальное ты должен доесть сам.”

Цинь И: “...”

После того, как он был разоблачен, Цинь Шао пришлось есть все это в одиночку, и он с несчастным видом сменил тему. “Разве я не сказал, чтобы ты отдохнул? Почему ты снова начал заниматься на фортепиано?”

“Я уже в порядке, - сказал Шэнь Ци, - я уже полностью выспался, так что мне не надо отдыхать так долго. К тому же, когда я буду практиковаться?”

Услышав это, Цинь И внезапно остановился. Не понятно, о чем он думал, потом все же сказал: “Ты не можешь следовать моему примеру.”

“Почему не смогу?” Шэнь Ци подпер подбородок. “Хотя все вокруг называют тебя гением, я все же думаю, что тебе тоже нужно было тяжело работать. Ты смог купить такую большую виллу в одиночку в возрасте 18 лет. Это, должно быть, потребовало много усилий. Конечно, я должен последовать твоему примеру. Все правильно.”

“Лу Хэн многое тебе рассказал.” Цинь И доел последний кусочек блюда, посмотрел на единственную оставшуюся на тарелке брокколи, долго колебался, но все же подцепил ее вилкой и отправил в рот.

Шэнь Ци посмотрел на его болезненное выражение лица и не смог удержаться, чтобы не сказать: “Ты не любишь брокколи. На самом деле, это гарнир. Ты можешь пропустить его, в следующий раз.”

“Ты должен позволить мне закончить есть этот.”

“Брат самый лучший”, - тут же изменил свой тон Шэнь Ци.

Сказав это, он взял тарелку и приготовился отнести ее на кухню.

Когда он ушел, Цинь И взял свой мобильный телефон и снова добавил доктора Лу, которого только вчера освободил Шэнь Ци, в черный список.

Он бросил свой мобильный телефон на кровать и поехал в музыкальную комнату в инвалидном

кресле.

Партитура Цинь, написанная позавчера, все еще была на прежнем месте, прижатая книгой. Предполагается, что это было сделано для того, чтобы ее не унесло ветром. Он легко взял партитуру, просмотрел ее от начала до конца, а затем сильно нахмурился.

Он взял ручку и хотел внести в нее изменения, но остановился до того, как кончик ручки коснулся ее. Чем больше он смотрел на нее, тем более неудовлетворительным он себя чувствовал. В его сердце была горечь, и он протянул руку, чтобы порвать партитуру.

<http://bllate.org/book/13890/1224355>